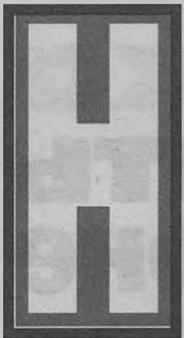

Сотрафичик - 1997 - №45 -

С. 43 - 94 - 15

Идеально к Белянчиковой в метро подошел старичок. — Я вас знаю, — сказал он твердо. — Вы доктор. Белянчиковой было не привыкать, и она обреченно кивнула — чаще всего ее в таких случаях посещает чувство вины, ибо в жизни большинства своих зрителей она была единственным хорошим врачом.

— Вы меня лечили, — продолжал старичок, — только я не помню, в какой больнице. Может, в Первой градской? Или помните, в той, на метро «Спортивная»? Точно! Я и все ваши рекомендации помню! Так и шел за ней, называя бесчисленные больницы, в которых лечился, но так и не вспомнил, что лечила она его не раз, не два, а двадцать лет подряд, раз в неделю, по телевизору. И оздоровила на порядок больше народу, чем голова Кашпировского.

В моем детстве воскресенье всегда было блаженным днем, потому что вместо школы можно было забраться с ногами на родительский диван, весело пинаться с сестрой и смотреть по телевизору программу «Здоровье». Мягкий и сострадательный голос бесшумной ведущей Ю. В. Белянчиковой до сих пор крепко ассоциируется с постоянством выходных, озабоченными рекомендациями, как сохранить себя от гриппа, словами «атеросклероз» или «инфаркт миокарда», и собственной кошмарной мечтой о том, чтобы все это наконец уже случилось со мной и лечили меня такие люди, как Белянчикова, а не как наш участковый педиатр.

Желание это со мной разделяло полстраны. Белянчикову узнавали на улицах, здоровались, советовались, доверяя ей больше, чем собственному врачу. Если здороваются и подходят, за этим неминуемо следует просьба о помощи — с надеждой в глазах, с безоглядным доверием: «Оперироваться мне или нет? Как вы скажете, так и сделаю». Ей советовали надевать темные очки, чтоб никто не узнавал. Темные очки она носить не умела.

Всенародным доктором Юлия Васильевна стала далеко не сразу. В детстве она мечтала быть учителем, поступить на мехмат и преподавать математику. В выпускном классе математичка говорила, что у нее склонность к математике, литератор — что к филологии, и даже возила ее к знаменитому Р. М. Самарину, который убеждал идти в гуманитарии. А она уже точно знала, что будет врачом. В седьмом классе лежала в больнице с осложнением после гриппа. Умер один из больных, и это было величайшим потрясением: не потому, что она впервые увидела смерть во всей ее физиологической неприглядности, а потому, что — живет человек, сделаешь ему зло, а окажется, что это непоправимо. Смотрела, как работают врачи, слушала дома рассказы мамы и ее друзей-медиков, росла на Чехове и Вересаеве. Среди друзей дома были два профессора, оперирующие хирурги, и когда они ошаривали своим посещением, категорически запрещалось занимать телефон — их в любую минуту могли вызвать. Мама во время войны была единственным врачом на огромной территории в глубоком тылу, так что к ней возили всех и с любыми хворями. Рядом с поселком был лагерь, и если там что-то случалось, заключенных лечила тоже она. Это ей давалось тяжело: ее отец, репрессированный в 1938 году, погиб в лагере, неизвестно где и когда. Потом она часто говорила: мои дети никогда не станут врачами. Врачами стали не только дети, но и внуки.

На выбор профессии повлиял Баталов

Когда мама заболела, Юлия, тогда еще школьница, забрав ее из больницы, сама делала ей уколы. Потом соседям. Потом вопрос о выборе профессии отпал сам собой. Сама профессия врача тогда считалась героической, ассоциируясь не с мизерной зарплатой, унылыми очередями под дверью и диагнозом ОРЗ на все случаи жизни, от запора

до поноса, — а с романтикой долга, с бессонными дежурствами, спасением жизни, надеждой, как в фильмах с Баталовым или Быстрицкой. Много позже, приглашая Баталова на вечер в концертной студии «Останкино», Белянчикова сказала ему, что он сильно повлиял на ее выбор профессии (помните врача из фильма «Дорогой мой человек»?). Баталов не поверил. Тогда она процитировала: «Прощай, дорогой мой человек...» — и дальше, минут пять по тексту. «Ну как я после этого могу не прийти?» — сказал потрясенный Баталов.

Окончив Первый московский медицинский институт, она пять лет работала врачом в НИИ гематологии и переливания крови, там же училась в аспирантуре и никогда не могла предположить, что окажется на телевидении, потому что еще с детства панически боялась публичности. В 1969 году вместе с другими аспирантами она работала на XII международном конгрессе гематологов, там, помимо прочего, была хорошая языковая практика. Работу конгресса освещало телевидение. Ее заметили, подошли, предложили вести программу «Здоровье», ведущая которой журналистка Алла Мелик-Пашаева переезжала в другой город и уходила из программы. Белянчикова отреагировала так, будто ей предложили станцевать в «Лебедином озере»: «Бог с вами! Нет, конечно!» Журналистка Тамара Чистякова уговаривала, да к тому же Останкинскую телебашню тогда только что отгрохали, так что из детского желания побывать в башне она согласилась прийти.

Комсомолка, сорвавшая передачу по гриппу

В студии сидела диктор, задавала ей вопросы: только что закончился конгресс, расскажите о нем, но так, чтобы неспециалисты поняли; объясните, для чего нужна донорская кровь... Камера включена, ужас, отступить некуда, рядом стоит монитор, в котором видно себя, и постоянно хочется себя удавить. Если бы она знала, что это проба, может, ни-

чего бы и не вышло вообще. Потом появились люди, говорят о ней между собой: да, подходит, на «Орбиту» пустить... Окружили ее: вы то, что надо, хороший дебют, осталось немного над собой поработать. Она отказывалась наотрез, ссылаясь на институт, аспирантуру, отпуск, пообещала позвонить после отпуска, но потом втянулась в обычные дела и не позвонила. И тогда позвонили ей: «Как вы могли, вы же взрослый человек! Вы нам сорвали...» — «Я не знала, не хочу — не могу — не надо...» — «Вы комсомолка?» — «Да». — «Как же вы, комсомолка, могли сорвать цикл передач по гриппу? Сами придете или звонить директору института?»

Тогда она не знала, с какого места после заставки начинать говорить (дома не было телевизора, и передачи она не видела. Телевизор потом купила в расщочку с гонораром). Не понимала, что делать, когда на мониторе идут отснятые кадры без звука, а перед ней какие-то листочки (слева видеоряд, справа текст) — почему-то никто не понял всей меры ее неготовности и не объяснил, что к чему. После первого эфира очень надеялась, что никто ничего не увидит: время раннее, может быть, спали. Дома сын объявил, что смотрел внимательно и ему понравилось, а папа все время только окошко открывал и курил. Вторую передачу из-за ее значимости (тема гриппа в разгар эпидемии) записали и повторили вечером, и посмотрели все. Когда друзья и коллеги ей об этом говорили, она оправдывалась: казалось, сделала что-то непростительное, оступилась, так что извините. Потом вызывал к себе директор: «Что ж вы не сказали, что на телевидении рабо-

Поговорить с Белянчиковой жаждало полстраны... Ей советовали надевать темные очки, чтоб никто не узнавал. Темные очки она носить не умела.

ДЕЖУРНЫМИ АНГЕЛ

Белянчикова оздоровила на порядок больше народу, чем голова Кашпировского

таете? Она опять оправдывалась, он сказал, что начинание важное, звонили с телевидения, велел не опозорить институт.

Яйца бывали вредны для здоровья

Сначала она совмещала телевидение с аспирантурой. А потом в стране случилась вспышка холеры: начались «горящие» внеплановые передачи, и вопрос встал ребром: или — или. Вспышка произошла в начале лета 1970 года, и все лето Белянчикова говорила о профилактике дизентерии, впрочем, у той и другой профилактики одна, но Юлия Васильевна не могла понять: почему же про холеру нельзя? Стало можно в середине августа, когда все уже было более-менее позади. В остальном, как ни странно, ее программа не подвергалась цензуре. Хотя в газетах, например, тема здоровья находилась в прямой связи с той или иной государственной необходимостью: перебои с яйцами — центральная газета пишет о вреде яиц. Дефицит

масла — сейчас десант врачей убеждает в жизненной необходимости маргарина. Но ее не трогали — такая честность была написана на лице этого врача, так и не ставшего профессиональным гладким телеведущим. Белянчикова долго сомневалась, не вернуться ли к прежней работе, пока сам министр здравоохранения Б. В. Петровский не сказал, что на телевидении она может принести больше пользы. А зрители чувствовали, что у нее что-то неладно. В разгар душевных борений она получила письмо. «Может быть, вам иногда кажется, — писала незнакомая женщина, — что вы принесете больше пользы как врач. Пожалуйста, так не думайте. Вы столько для нас делаете!» Зрители, как оказалось, замечали все, даже невидимые им неприятности, и тут же писали. Одно из таких писем опубликовали «Московские новости» с заголовком: «Доктор, почему у вас грустные глаза?» Полагаю, эти грустные глаза и обеспечили девять десятых ее успеха: на фоне тотальной ис-

кусственной бодрости кто-то должен был опереживать телезрителю. До прихода Белянчиковой передача получала около 300 писем в год, позднее — около 150 тысяч. С письмами работали врачи-консультанты во главе с Ириной Исаковной Бобер, которая готова была сделать все возможное и невозможное для тех, кто обращался в программу. Юлии Васильевне часто приходилось ругаться с недовольным начальством: в других передачах никаких консультантов не работало, а этим надо было платить.

Жалеть всех помогал Господь

Неизвестные доброжелатели пустили по рукам трехстраничный список читат из писем в программу «Здоровье»: «Чем кормить маму, чтобы родился братик?», «Прошу вас сделать меня инвалидом третьей группы», «Я ампутант левой ноги». ... Ничем советский человек не был так озабочен, как своим здоровьем (ну, может, еще возможностью третьей